

Л. В. ЛАНДИНА

ФРАНЦУЗСКИЕ МОНАРХИ ЭПОХИ АБСОЛЮТИЗМА И ИХ ОКРУЖЕНИЕ: ДИСКУРС СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920—50-х гг.

Анализируется тема интерпретации персоналий правящей элиты Франции XVI — середины XVIII в. советскими историками в 1920—50-х гг. На основе дискурсивного подхода раскрыта известная преемственность оценок дореволюционной и советской историографии, оттенки трактовок советских историков, влияние на содержание работ общей идеологической ситуации и субъективного фактора.

The article analyzes the Soviet historians' of the 1920—50s interpretation problems of the French ruling elite personalities of XVI — middle XVIII century. Based on the discursive approach certain estimation continuity of pre-revolutionary and Soviet historiography, interpretation shades of Soviet historians, the ideological situation and the personal factors impact on the overall content of the work and are disclosed.

Ключевые слова: методология; советская историография; дискурс; абсолютная монархия; правящая элита; персоналии; Франция; новое время.

Keywords: methodology; Soviet historiography; discourse; an absolute monarchy; the ruling elite; personalities; France; modern age.

Персоналии правителей и их окружения долгое время были той сферой, исследовать которую советскому историку считалось «излишне» и «неактуально», равно как и акцентировать на этом внимание. Действительно, если любое государство, кроме социалистического, — это аппарат классового угнетения, то какое отношение могло быть к его правящей элите — представителям эксплуататорских классов? Разумеется, только сдержанно-отрицательное. Единичные же исключения из этого

Ландзіна Ларыса Уладзіміраўна — дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і музэязнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў, кандыдат гістарычных навук. E-mail: larisa-hist@mail.ru

---

ряда, признаваемые значимыми, как, например, российский император Петр I, все равно, по мнению советских историков, не могли преодолеть своей классово ограниченной природы. Такая ситуация продолжалась десятилетиями, пока инициированные перестройкой инновации в исторической науке не изменили отношение в первую очередь к российским монархам [1]. Именно в это время шла речь о преодолении стереотипов, новом прочтении марксизма, более пристальном изучении государства и роли личности в истории [2, с. 7—12; 3, с. 252—260].

Тем не менее утверждать, что персоналии монархов и их окружения были сплошным «белым пятном» в советской историографии и однозначно негативизировались, было бы неверно. Дискурсивный анализ работ советских историков позволяет не только увидеть массу оттенков в трактовках, но и прийти к ряду уточнений и выводов.

Дискурс — это языковое сознание эпохи, зашифрованное в тексте [4, с. 38—43] и обусловленное всей совокупностью ее политических, идеологических, экономических, нравственных и иных характеристик. Конкретный же текст, рассмотренный посредством дискурс-анализа, с учетом названных характеристик, может быть осмыслен значительно полнее, нежели при обычном прочтении. Общество любого исторического периода говорит на своем языке, и эпоха СССР — отнюдь не исключение. Соответственные идеологические и политические приоритеты задавали специфические интонации, лексику и экспрессию, подтекст, речевые обороты, рассматриваемые сюжеты, являющиеся маркерами как при датировке, так и при интерпретации историографических источников советского периода.

Многообразное, подвижное, многозначное содержание текста может быть манифестируемым (лежащим на поверхности) и латентным (составляющим скрытые смыслы). В связи с этим при исследовании текстов востребованы как количественные, так и качественные методики [5, с. 140]. Из ряда подходов к дискурс-анализу автором выбран интегративный как наиболее комплексный. Рассматриваемый дискурс типологически — письменный, по функциональности — научный, институциональный, преимущественно индивидуальный. Социокультурные условия создания текстов составляют экстралингвистический, т. е. над- и вокругтекстовой, уровень.

В советской историографии период 1920—50-х гг. — время утверждения и установления безусловного доминирования марксистской методологии, развивавшейся в то время «по восходящей». При этом

1920-е гг. выступают организационно и методологически переходными. В середине 1930-х гг. формулируется жесткий марксистский канон согласно указаниям руководства СССР. Работы 1940-х и первой половины 1950-х гг. характеризуются категоричным, наступательным дискурсом, безусловным доминированием и позиционированием мессианской роли марксизма в советской интерпретации. Наконец, вторая половина 1950-х гг. отмечена как политической «оттепелью», так и изданием на протяжении 1955—1965 гг. десяти томной «Всемирной истории», которая подвела итоги предыдущих десятилетий и стала образцом для последующих исследований.

Историография 1920—50-х гг. стала объектом рассмотрения в исследовании С. В. Кондратьева и Т. Н. Кондратьевой «Наука “убеждать”, или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е — начало 50-х гг.» [6]. Работа, написанная на основе дискурсивного подхода, с использованием большого количества непубликованных источников, несомненно, ценна, однако проблема персоналий в ней не рассматривается.

Франция как страна классического абсолютизма, а затем революции, названной Великой, привлекала внимание как дореволюционных, так и советских историков. Несмотря на то что дореволюционные историки-либералы были сторонниками реформ, а советские — революции и диктатуры пролетариата, и те и другие были сходны в сдержанно-негативном отношении к абсолютизму и приветствовали Французскую революцию. Соответственно, и отношение к коронованным особам Старого порядка, который советские историки назовут феодально-абсолютистским строем, было по сути одинаковым в обоих случаях, менялась только идеологическая направленность дискурса.

Обобщающие работы 1920-х — начала 1930-х гг., в соответствии со «школой Покровского», трактовали абсолютизм как полуфеодальное-полукапиталистическое государство «торгового капитала» [7, с. 276—278], характерное для начала капиталистической формации в Европе [7, с. 201]. Это были работы переходного периода и становления марксистской советской методологии, что видно в том числе и в оформлении текстов. Так, ссылки на классиков марксизма были минимальны и соседствовали со ссылками на российских либеральных и зарубежных историков. При этом акцентировались социологический и классовый подходы, идея неизбежной смены формаций, революционный путь развития. Сама обстановка 1920-х гг., полная максимализма и эксперимен-

тов, очевидно, привела в будущем первого заведующего кафедрой средних веков Ленинградского университета Н. Н. Розенталя (1892—1960) к следующему выводу: «Уничтожение политической власти феодалов и установление абсолютизма могут рассматриваться как своеобразная форма буржуазной революции» [8, с. 201].

Макроуровень текстов характеризовался такими доминантами, как подчеркнутое внимание к социально-экономическому развитию, рассмотрение государства как производного от экономики, формационный подход с обязательной телеологической составляющей. Все это не оставляло места для особого внимания к персоналиям. Монархи и их приближенные были лишь функциональными единицами, включенными в названные процессы, и в лучшем случае обрисовывались несколькими строками. Например, в работе Н. Н. Розенталя приведены такие характеристики: «Объединительная и абсолютистская политика Людовика XI достигла новых успехов при его преемниках. Блестящий “король-рыцарь” Франциск I (1515—1547) издавал указы и распоряжения, ссылаясь исключительно на свою “добрую волю”» [8, с. 62]. «Новый подъем французской монархии ярко обнаружился уже в царствование Генриха IV (1589—1610)... Генрих хорошо понимал зависимость господствующих классов от достатка налогоплательщика, выразив это словами: “Если будут разорять мой народ, кто же станет кормить меня и доставлять средства для покрытия государственных расходов?”» [8, с. 71, 72].

Н. Н. Розенталь уделит внимание Ришелье и Кольберу, полностью заслонив этими фигурами не только Людовика XIII, но и короля — Солнце». «Крупнейшим деятелем возрождавшегося французского абсолютизма, — писал Розенталь, — был знаменитый министр Людовика XIII кардинал Ришелье» [8, с. 121]. Та же тональность слышна и в характеристике Кольбера: «...Франция была еще слишком бедна, чтобы выдержать всю тяжесть громоздких колониальных и торговых мероприятий. Но, в общем, производительные силы страны заметно росли, достигнув яркого расцвета во время деятельности знаменитого министра Людовика XIV Кольбера (1661—1683)» [8, с. 126]. Деятельность обоих характеризуется комплексно и положительно. Это неудивительно — речь идет о централизации государства, создании промышленности и развитии торговли, армии и флота. Таким образом, нельзя говорить об однозначности оценок представителей правящей элиты Франции советскими историками. Однако и Ришелье, и Кольбер, удостоившиеся наибольшего внимания, представлены только как политики, но не как личности.

Эпоха же Людовика XIV характеризуется Н. Н. Розенталем как грань, перейдя которую абсолютная монархия превратилась в тормозящую для общества силу. Эту идею, традиционную еще для дореволюционных историков, Розенталь сформулировал выразительными средствами советского марксистского дискурса: «Эпоха Людовика XIV была тем периодом в истории французского абсолютизма, когда он, достигнув предельного уровня развития, *вступил в противоречие с производительными силами общества* (буржуазией, третьим сословием. — Л. Л.). В восемнадцатое столетие Франция вступила с надломленными силами; тяжелые раны, нанесенные ей разорительной политикой Людовика XIV, продолжали болеть и при его преемниках. *Исцелить их могла только революция*» (здесь и далее курсив автора. — Л. Л.) [8, с. 132—134].

Обобщающая работа В. Д. Преображенского по истории Западной Европы придерживается тех же смысловых доминант, характеристики персоналий еще более сжаты. Экспрессивно, с «выставлением счета» абсолютной монархии описаны два предреволюционных царствования: «При Людовике XV монархия стала еще более *дворянской и реакционной*. Она обнаружила уже *полную неспособность служить тому классу, которому история открывала дорогу вместе с развитием капитализма. Личность ничтожного короля* наилучшим образом характеризовала *упадочный абсолютизм...* При Людовике XVI абсолютизм уже *явно переживал свою агонию*. Попытки спасти положение при помощи *ничтожных реформ* терпели все время неудачу. Когда же монархия решила прибегнуть к *последнему средству* — созыву генеральных штатов, — она этим *подписала свой смертный приговор*. Так, *выполнив свою историческую миссию*, французский абсолютизм *очутился на краю пропасти, куда и столкнула его буржуазия*» [7, с. 313].

Охарактеризованные выше содержательные и коннотативные особенности советского дискурса будут практически неизменными до методологических и предметных инноваций середины 1980-х гг. Это доминирование социально-экономического подхода и социологической терминологии, классовых оценок, сдержанное рассмотрение персоналий как деятелей, а не как личностей, отсутствие специальных работ, посвященных монархам и их министрам, а также телеологические установки и негативные коннотации в отношении последних Бурбонов.

В 1938 г. вышли «Очерки из истории Западной Европы XVI—XVII вв.» профессора Ленинградского университета П. П. Щеголева (1903—1936) — первый лекционный курс, систематизированный в соответствии

с установившимися в 1930-х гг. методологическими канонами. В частности, абсолютизм здесь уже не государство «торгового капитала», а «особая форма диктатуры дворянства в условиях разложения феодальной формации и зарождения в ней капиталистических отношений» [9, с. 10]. Книга вышла уже после смерти автора, и окончательный ее вариант был результатом доработки редакционного коллектива. Необходимо отметить, что «редакторы обращали внимание на уточнение отдельных формулировок, фактических данных и хронологии, прибегая к дополнениям, вставкам целых фраз и т. п. лишь в отдельных, относительно редких случаях» [9, с. 3], т. е. собственно авторский, фактологический материал практически не изменился. Само за себя говорит и редакционное предисловие, где ранжированы сильные стороны работы: «Курс П. П. Щеголева отличается несомненными достоинствами: *широким использованием относящихся сюда высказываний классиков марксизма-ленинизма*, свежестью многих данных, насыщенностью фактическим материалом, рядом интересных мыслей и обобщений, удачным... расположением отдельных частей, живою, подчас увлекательной формой изложения» [9, с. 3]. Можно скептически относиться к такой оценке, но нельзя не признать того, что авторы предисловия... безусловно правы. По увлекательности изложения, образности речи, подбору и насыщенности материала «Очерки...» Щеголева, выполняющие роль учебного пособия, превзошли как предшествующие, так и последующие аналоги. Естественно было бы ожидать и ярких характеристик персоналий. Однако приходится признать, что в этой сфере автор в целом не выходит за уже очерченные выше рамки. Как монархи, так и их окружение — в первую очередь политические фигуры с обусловленными функциями, но не личности, хотя из описаний их деятельности и можно сделать определенные выводы, в первую очередь об авторской позиции П. П. Щеголева. «Французские короли, — пишет Щеголев, — принадлежали к династии Валуа. *Буржуазные историки очень любят разбирать вопрос о том, что произошло с Валуа, почему эта династия дала тот исключительный подбор дегенератов*, какой представляют собою последние Валуа — дети Франциска I и его внуки. *Это вопрос чрезвычайно почтенный и любопытный, но мы на нем останавливаться не будем...*» [9, с. 191].

Несмотря на цитирование классиков марксизма и отмежевание от буржуазных историков, что диктовалось идеологическими реалиями тех лет, П. П. Щеголев демонстрирует стремление к объективности и собственную позицию. По-другому нельзя оценить такой развернутый пас-

саж: «Можно спорить о личности Людовика XIV, и буржуазные историки охотно спорят... но нет никакого спора о том, что это был посредственный человек, который не терпел вокруг себя сколько-нибудь крупных деятелей, — утверждает Щеголев. — Единственным крупным деятелем при Людовике XIV был Кольбер... При всем том нельзя отрицать, что Людовик XIV был человеком весьма работоспособным... *он любил работать и действительно работал в течение шестидесяти лет своего царствования*, а работать, с его точки зрения, означало — вмешиваться во все дела. Людовик XIV считал, что он должен быть королем не только на словах, но и на деле. Поэтому *худо ли, хорошо ли, но он в течение шестидесяти лет действительно управлял страной*» [9, с. 429, 430].

Стремление Щеголева донести до читателя «неудобную» в условиях СССР 1930-х гг., но объективную информацию особенно видно из характеристики политики Генриха IV по отношению к крестьянству. Здесь содержание и его идеологическое обрамление внешне увязаны, но для внимательного читателя страны победившей коллективизации порождают массу сравнений и вопросов. Данный сюжет настолько красноречив, что заслуживает того, чтобы быть приведенным почти полностью.

«Буржуазная историография, — отмечает Щеголев, — рисует Генриха IV как короля, который был охвачен любовью к своим подданным, и прежде всего к крестьянам... Ему приписывается известное изречение о курице в супе, который он хотел бы видеть на столе у каждого подданного. Эта курица в супе при ближайшем рассмотрении оказывается легендой, основанной на беззастенчивой фальсификации фактов.

Так называемые крестьянские мероприятия Генриха... сводились к *запрещению произвольных обложений и произвольной барщины, к отмене продажи за долги сельскохозяйственного инвентаря и к некоторым другим мероприятиям. В самом начале XVI в. талья, основной прямой налог, была уменьшена более чем на 4 млн ливров... Во время религиозных войн нередко были случаи уклонения выходцев из третьего сословия от уплаты тальи: они приобретали документы, которые удостоверяли их дворянское происхождение, и отказывались платить налог. Генрих IV отыскал сорок тысяч таких налогоплательщиков и обложил их налогом: это, конечно, привело к облегчению всей остальной массы налогоплательщиков. Отметим еще одно мероприятие: крестьянским общинам было разрешено выкупать проданные общинные земли.*

Чем объясняется интерес Генриха IV к крестьянскому хозяйству? Это был интерес помещика, дворянина. *Генрих IV отлично сознавал, что фе-*

одальная эксплуатация может идти бесперебойно, когда за крестьянством будет обеспечен известный прожиточный минимум» [9, с. 207, 208].

Оценка Щеголева правомерна, и было бы наивным полагать, что политика Генриха мотивировалась любовью к народу, а не государственным интересом. И все же у читателя невольно возникает ряд вопросов. Если король антинародного феодального государства столько делал для своих крестьян, то что должно было сделать для своих самое справедливое рабоче-крестьянское советское государство? И почему король-эксплуататор, найдя сорок тысяч неплательщиков налогов, не обложил их по существующей ставке и не обеспечил дополнительный доход казне, а зачем-то произвел перерасчет и уменьшил размеры налога для всех? Остается только добавить, что в последующих изданиях учебной литературы по истории Средних веков сюжет о крестьянской политике Генриха IV уже никогда столь развернуто не приводился.

Особое внимание уделил Щеголев кардиналу Ришелье, что видно уже из названия соответствующей главы — «Франция в период правления кардинала Ришелье». О несомненном уважении к великому кардиналу свидетельствуют слова о том, что «к власти в 1624 г. пришел тот *государственный деятель, с именем которого связывается утверждение режима абсолютной монархии не только во Франции, но и во всей Европе...* Правда, новый поворот к абсолютизму объясняется не только замечательными государственными качествами Ришелье, но и тем, что коренное соотношение классовых сил в стране было благоприятно именно абсолютистской политике; но все же роль Ришелье была достаточна крупна» [9, с. 412]. Нужно отметить, что и здесь мы не увидим Ришелье-человека, но ярко и развернуто представлен Ришелье-политик, выводы о личностных качествах которого нужно делать на основе его политических мероприятий. Проводя их развернутый анализ, классовую оценку и утверждая, что Ришелье «не давал народу ни отдыха, ни срока», Щеголев приводит известное высказывание Ришелье о народе полностью, избегая примитивизации восприятия читателем. «Народ, — писал Ришелье в своем “Политическом завещании”, — следует сравнивать с ослом, который, привыкнув к тяжести, портится от продолжительного отдыха сильнее, чем от работы. *Но подобно тому, как работа мула должна быть умеренна, и время, положенное на животное, соизмеряться с его силою, то же самое должно быть соблюдаемо и относительно повинностей народа: будучи чрезмерными, они не перестали бы быть несправедливыми даже и в том случае, если бы они были полезны для общества» [9, с. 414].*

Рассмотрение проблемы персоналий французской монархии раннего Нового времени в период становления марксистской советской историографии позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, сдержанно отрицательное отношение к французским монархам и их окружению советской историографией было унаследовано от дореволюционной историографии. Данный вывод не является парадоксом — абсолютную монархию считали злом как дореволюционные историки-либералы, так и советские марксисты-революционеры. Во-вторых, более или менее явное внимание к персоналиям обозначилось после отказа от «школы Покровского», в которой внимание к личности растворялось в социологизации. Наконец, даже наличие четких идеологических нормативов не было непреодолимым препятствием для историков, ставивших своей задачей всестороннее и взвешенное отражение исторического процесса.

В 1939 г. вышла «История средних веков» под редакцией профессоров С. Д. Сказкина (1890—1973) и О. Л. Вайнштейна (1894—1980). Главы XVI и XVII, посвященные Франции раннего Нового времени и относимые советской историографией к позднему Средневековью, были написаны С. Д. Сказкиным. При этом глава XVII отличается определенной образностью и экспрессией. Речь идет о кардинале Ришелье, которому традиционно уделялось особое внимание, и, что неожиданно, о Людовике XIII, не менее традиционно отодвигаемом в тень своего первого министра. С. Д. Сказкину удалось, работая в жестких идеологических рамках, создать достаточно яркие и емкие характеристики, которые правомерны и сегодня. Чтобы убедиться в этом, обратимся к тексту: «На штатах 1614 г. выдвинулся в качестве ловкого дипломата молодой епископ Люсонский Арман дю Плесси, герцог Ришелье, будущий кардинал и величайший политик Франции эпохи абсолютизма. 10 лет неустанного труда и исключительной настойчивости, интриг и низкопоклонства, за которыми скрывались холодный и ясный ум и безмерное честолюбие, привели Ришелье к власти (1624 г.), и с этого времени французский абсолютизм получает завершение, чтобы в следующее царствование Людовика XIV достичь апогея своего блеска и могущества» [10, с. 350].

Широко приводимая фраза Ришелье о народе, где последний сравнивается с мулом, по словам С. Д. Сказкина, «могла бы красоваться на фронте любой абсолютной монархии, до такой степени хорошо она передает классовую сущность всякого абсолютизма». В то же время Сказкин взвешенно отмечает, что сам Ришелье понимал необходимость со-

измерения работы мула с его силами, хотя это и «нередко забывалось им самим и было совсем забыто его преемниками» [10, с. 351].

Созданная С. Д. Сказкиным историческая канва включает характеристику, казалось бы, незначительного персонажа — Людовика XIII, что акцентируется подзаголовком, который так и называется: «Личность Людовика XIII». Лишенный идеологической подоплеки, написанный живым языком, этот исторический портрет-миниатюра не только дополняет повествование и показывает тонкости отношения кардинала и монарха, до этого практически не достаивавшегося внимания советских историков. При этом «очеловечивается» и приближается к читателю само повествование, что нельзя переоценить. Поэтому справедливо будет привести названный фрагмент полностью. «Людовику XIII, — утверждает Сказкин, — выпала на долю скромная роль состоять королем Франции при своем всеильном первом министре. Он занимался своими птицами, собаками и лошадьми, любил пение и рисование, умел хорошо покушать и любил войну. Несколько мрачный и скрытный, он ценил отвагу и мужество и поэтому искренне огорчался, подписывая по требованию своего министра изгнания и даже смертные приговоры неисправимым дуэлянтам. В высокой материи государственных дел он разбирался плохо, и хотя подчас тяготился опекой Ришелье и даже позволял себе насмешки над ним, тем не менее, остался верен ему до конца, переложив тяжесть государственных дел на плечи своего многоумного министра, за спиной которого он чувствовал себя в полной безопасности от непереносимой скуки своего королевского ремесла. Он умер спустя пять месяцев после смерти Ришелье» [10, с. 355].

Прослеживая оттенки приведенных выше характеристик и оценивая круг рассматриваемых персоналий, можно заметить представителя французской правящей элиты, притягивающего неизменное и наибольшее внимание историков. Это — кардинал Ришелье, масштаб и последствия деятельности которого объясняют данную ситуацию.

Совершенно неслучайно поэтому появление в 1946 г. на страницах «Вопросов истории» историографической статьи А. Д. Люблинской (1902—1980) «Ришелье в исторической литературе XIX—XX вв.» [11]. Эта публикация, увидевшая свет 70 лет назад, до сих пор привлекает внимание по ряду причин. Во-первых, в советской историографии послевоенных десятилетий не было подобных работ, посвященных представителям правящей элиты Франции указанного периода. Во-вторых, в дискурсивном плане статья не содержит языковых и идеологических

штампов послевоенной советской исторической науки, равно как и ссылок на классиков марксизма. Наконец, и ныне она может быть примером написания историографического очерка.

Люблинская раскрывает причины интереса к фигуре Ришелье в различные периоды, показывает обусловленные как субъективными, так и объективными причинами оттенки в трактовках образа кардинала и содержательные особенности работ различных авторов. В рассматриваемых источниках выделен «вертикальный разрез» (экономика и социальные отношения) и «горизонтальный» (изложение событий в хронологической последовательности). Автор, что весьма важно, демонстрирует взаимовлияние концепций, изменение степени исторического осмысления в зависимости от уровня развития исторической науки. В статье видно собственное, личностное отношение автора, основанное на вдумчивом и подробном критическом разборе материала, причем Люблинская учитывает «плюсы» и «минусы» работ, указывая на проблемы, требующие изучения. Вот, например, фрагмент из анализа исторического наследия Ж. д'Авенеля (1855—1939), французского историка, исследовавшего эпоху Ришелье. С одной стороны, д'Авенель «первый всерьез занялся социальными отношениями и экономикой». В то же время он «...совсем отстраняется от рассмотрения внешней политики кардинала, признавая, однако, ее величие и значимость. Четыре тома д'Авенеля, — продолжает А. Д. Люблинская, — представляют собой редкий по темпераменту и страсти политический памфлет против Ришелье. Аристократ, издерганный французскими революциями XIX в., особенно Коммуной, горько и глубоко страдавший от политической смерти своего класса, д'Авенель во всем винит Ришелье. Кардинал представляется ему зачинателем на французской почве столь непереносимого для аристократии этатизма...» [11, с. 114, 115]. В результате Люблинская взвешенно подводит итог: «Книга д'Авенеля безнадежно устарела в своих выводах и суждениях, но в ней собрано огромное количество красочных фактов, перебрано такое количество событий и людей, что в этой части она до сих пор еще не пересмотрена и не обновлена» [11, с. 115].

Будучи советским историком-марксистом, А. Д. Люблинская считала Ришелье идеологом и создателем французского абсолютизма — политического воплощения диктатуры дворянства. В то же время из контекста статьи видно, что исследовательнице близко отношение к Ришелье французского историка, дипломата и политика Г. Аното (1853—1944): «Лучше стремиться к пониманию того, что он сделал, чем к пустой за-

баве рассуждений о том, что он должен был бы сделать» [11, с. 115]. Еще более прозрачен вывод, сформулированный во вступлении к статье: «Ришелье при жизни вызывал искреннее восхищение немногих и ярую ненависть большинства. Причудливые перипетии его посмертной судьбы полны такой же страстности. Но в процессе этой страстной борьбы крайностей *постепенно и медленно выработывалась объективная точка зрения на истинное значение для истории Франции одного из величайших ее сынов*. Ришелье долго пришлось ждать беспристрастного суда потомства, той репутации, которую он называл “единственным благом, могущим удовлетворить великую душу”» [11, с. 112].

Сегодня работа А. Д. Люблинской заслуживает высокой оценки. Однако в послевоенном СССР охарактеризованные выше сильные стороны статьи оценивались по-другому. В период борьбы с космополитизмом 23 марта 1949 г. состоялось объединенное заседание сектора истории Средних веков Академии наук СССР и кафедры Средних веков Московского государственного университета. Стенограмма этого заседания, ныне опубликованная [12], уже сама стала объектом внимания историков. С точки зрения дискурсивного анализа она представляет собой ценнейший источник, отражающий лексику, ментальность, систему ценностей и аргументацию научной критики в историографии советского послевоенного десятилетия.

Борьба с космополитизмом как враждебной для советского общества идеологией была одним из многих примеров противостояния в биполярном мире. Однако в условиях СССР эпохи Сталина идеологическая непримиримость в сочетании с поисками «врагов народа» привела к усилению и без того жесткого идеологического контроля в гуманитарном знании, применению соответствующих санкций и нагнетанию нездоровой атмосферы в научном сообществе.

Одна из ключевых фигур объединенного заседания, Н. А. Сидорова (1910—1961), с 1949 г. научный сотрудник Института истории АН СССР, констатировала, что на *«историческом фронте»*, как одном из участков фронта идеологического, не все обстоит благополучно. Формами же *буржуазного космополитизма и буржуазного объективизма* в области медиавистики являются: «1. *Проповедь единой мировой науки*. 2. *Преклонение и низкопоклонство* перед буржуазной западной наукой. 3. *Принижение исторической роли русского народа*, русской и советской культуры. 4. Традиционализм, отрицающий *принципиальное существо и значение науки советской*, науки, которая зиждется на *единственно научном методе мар-*

ксизма-ленинизма. 5. Игнорирование принципа партийности. 6. Пренебрежительное отношение к вопросу о приоритете русской науки. 7. Идеалистические вывихи, носящие ярко выраженный космополитический характер...» [12, с. 266]. Таким образом, признание достижений европейской науки, выявление преемственности дореволюционной и советской историографии, а также объективность и отсутствие обязательной критики и обличительного пафоса с позиции советского марксизма было основанием для серьезной идеологической проработки. Среди ряда «виновных» оказалась и А. Д. Люблинская, а объектом критики была историографическая статья о Ришелье.

А. Д. Люблинская на заседании не присутствовала, претензии к ней озвучила кандидат исторических наук З. В. Мосина, входившая тогда в редколлегию «Вопросов истории» и в том же 1949 г. выведенная из ее состава [6, с. 121]. «Очень большой ошибкой, — категорично утверждала З. В. Мосина, — также я считаю помещение в нашем журнале статьи Люблинской “Ришелье в исторической литературе XIX—XX вв.”. Эта статья, безусловно, того же самого космополитического характера, какой имеют многие работы ленинградских медиевистов. Эта статья обнаруживает необычайное преклонение самого автора, т. е. Люблинской, перед фамилией Ришелье. Я не знаю, все ли французские националистически настроенные историки так преклоняются перед Ришелье, как перед ним преклоняется наш советский историк Люблинская... Кроме того, Люблинская в этой статье не намерена отойти от французской буржуазной историографии, посмотреть на нее глазами советского историка... Она очень хорошо изучила весь ход развития и накопления материалов, источников, но она не сумела дать всей этой историографии марксистскую оценку. Наконец, самое возмутительное — это структурная часть этой статьи, в которой Люблинская буквально в одном абзаце касается вопроса советской историографии, причем это настолько уничижительно звучит, что лучше бы ей не касаться этого вопроса...» [12, с. 300].

Один абзац для характеристики в масштабах указанной статьи — это действительно скромно. Но как отметить то, чего, по сути, не было? В исследованиях таких ученых, как учитель А. Д. Люблинской В. В. Бирюкович (1893—1954) и специалист по народным движениям во Франции XVII в. Б. Ф. Поршнев (1905—1972), Ришелье описывается лишь как фоновая фигура изменений в правящей элите [13—17].

Специально о кардинале Ришелье как о государственном деятеле и личности в то время в СССР не писал никто. Но ведь такое исследова-

ние, причем высочайшего качества, могла создать А. Д. Люблинская. Будучи специалистом именно по Франции первой половины XVII в., архивистом, палеографом, она, как видно из приведенных фрагментов ее статьи, могла писать живо и образно, а о ее требовательности к качеству работы сохранились многочисленные упоминания.

Почему А. Д. Люблинская не создала книги о кардинале Ришелье как человеку и политике? Вероятно, ответ на этот вопрос достаточно прозрачен, если учесть идеологические и предметные предпочтения советской историографии...

9 декабря 2015 г., будучи на стажировке в Институте всеобщей истории Российской академии наук, автор имела возможность побеседовать с учеником А. Д. Люблинской, крупнейшим специалистом по истории Франции XVII в., автором работ о Кольбере, Людовике XIV, Фронде, В. Н. Маловым. Интерес к А. Д. Люблинской как человеку и историку постепенно оттеснил на второй план теоретические проблемы абсолютизма, и В. Н. Малову были заданы вопросы: намеревалась ли А. Д. Люблинская создать исторический портрет кардинала Ришелье отдельной книгой? Ответом было «нет». Почему это не удалось сделать? В. Н. Малов объяснил это двумя причинами. Во-первых, создание популярной биографии, вероятно, не импонировало А. Д. Люблинской, понимавшей свою деятельность как строго научную. Во-вторых, и это было явлением системным, в советской историографии тех лет могли публиковаться лишь биографии деятелей, считавшихся прогрессивными, например Кромвеля, если рассматривать XVII в. А насколько прогрессивен с точки зрения советской историографии идеолог абсолютизма кардинал Ришелье — вопрос весьма неоднозначный...

К сказанному можно добавить и другие факты об А. Д. Люблинской из современной работы о ленинградских медиевистах. После событий 1949 г. Люблинская уцелела «почти что чудом... Не приходится забывать о том, что Александра Дмитриевна и ее муж принадлежали к тому слою отечественной интеллигенции, к которому новая власть с первых своих шагов относилась крайне настороженно... Постоянно напоминало о себе неподходящее социальное происхождение (А. Д. Люблинская была дочерью протоиерея Исаакиевского собора)... В 1927 г. супруги были арестованы, правда, вскоре их выпустили. В 1929 г. В. С. Люблинский провел почти два месяца в тюрьме... В 1949 г. он был вынужден уйти из Публичной библиотеки “по собственному желанию”. Александру Дмитриевну тоже в этом же году выжили из Публичной библиоте-

ки» [18, с. 81, 82]. Тем не менее научный авторитет А. Д. Люблинской, ее сдержанность (на работе она избегала разговоров о политике и не касалась этой темы в близком кругу) [18, с. 108] в сочетании с принципиальностью привели к тому, что Люблинская стала фактически неформальным лидером ленинградских медиевистов-западников [18, с. 95].

Если же обратиться к представителям правящей элиты Франции в исторической литературе начала 1950-х гг., то они выступали лишь как фоновые персонажи и функциональные единицы нарратива. Разумеется, после XX съезда КПСС ситуация в стране изменилась. Так, А. Д. Люблинская, ставшая заведующей кафедрой истории Средних веков ЛГУ, весной 1956 г. едва ли не ежедневно рассказывала на кафедре о наблюдаемых переменах и даже предрекала последние дни спецхрану [18, с. 108, 109]. Однако приоритеты советской историографии остались неизменными, хотя и появилась известная свобода для дискуссии.

В 1957 г. вышли «Очерки истории Франции с древнейших времен до окончания первой мировой войны», где глава, посвященная Франции XVI — середины XVIII в., была написана А. Д. Люблинской. Изложенный живым языком, с краткими характеристиками политических деятелей периода текст представляет собой образец послевоенного исторического дискурса. Вот, например, как описывается социально-экономическое развитие Франции: «До второй половины XVII в. процесс первоначального накопления протекал в недрах феодального общества Франции сравнительно медленно и с некоторыми перебоями. При Кольбере (1665—1683) он очень усилился и ускорился, а с конца XVII — начала XVIII в. *вступил в новую фазу, определяемую постепенным нарастанием противоречий между растущим капитализмом и загнивающим феодализмом.* Развитие абсолютизма в главных чертах соответствовало этому хронологическому делению...» [19, с. 73]. Если говорить о персоналиях, то традиционно Генрих IV характеризовался как осторожный и ловкий политик, талантливый дипломат и полководец, приобретший во время своей политической карьеры большой и разносторонний опыт [19, с. 105]; Ришелье — масштабная фигура в развитии французского абсолютизма, выразившая свой идеал в «Политическом завещании», строившая свою внутреннюю и внешнюю политику на жестоком угнетении и эксплуатации народных масс [19, с. 107]. С развитием капитализма и усилением буржуазии *«абсолютная власть уже становилась для буржуазии ненужной. Абсолютизм XVIII в. выполнил свою историческую функцию и приближался к своему крушению. Теперь он защищал прогнив-*

ший феодальный строй и охранял реакционные права и привилегии паразитических сословий — дворянства и духовенства...» [19, с. 114].

В период оттепели Академией наук СССР была издана десятитомная «Всемирная история», представляющая собой итог развития советской историографии почти за 50 лет. Ныне «Всемирная история» представляет интерес скорее для историографа, чем для историка или широкого читателя. Однако не следует забывать, что для нескольких поколений советских читателей это издание было единственным полным и систематизированным историческим изложением, снабженным иллюстрациями, картами и библиографией. «Всемирная история» — это образец советского марксистского дискурса, что можно проиллюстрировать на примере рассмотрения истории Франции XVI — середины XVIII в.

Макроуровень текста демонстрирует положенный в основу формационный подход. Соответственно, во введении к тому IV указывается: «Основным, решающим фактором этого времени (XVI — первой половины XVII в. — Л. Л.) является *разложение феодальных отношений, возникновение в ряде наиболее развитых стран капиталистического производства в форме рассеянной и централизованной мануфактуры*» [20, с. 7]. Перед читателем — история в первую очередь социально-экономического развития и классовой борьбы, что видно как из названий структурных частей текста, так и из их ранжирования. Глава IX, написанная В. В. Бирюковичем и А. Д. Люблинской, посвящена возвышению *феодально-абсолютистской* Франции. Этот эпитет, применяемый в отношении ряда государств раннего Нового времени, уже нес в себе негативную коннотацию. После краткого территориального описания страны рассказывается об экономическом развитии, мануфактурах, торговле, государственном долге, формировании буржуазии, наемных рабочих, аграрном строе и положении крестьянства, затем авторы обращаются к дворянству, развитию абсолютизма, наконец, Итальянским войнам и народным восстаниям [20, с. 207—221]. Как в этих сюжетах представлены персоналии? Приходится констатировать, что как таковых их здесь нет, максимум — это перечисление монархов династии Валуа, которые вели Итальянские войны [20, с. 219, 220]. То же самое можно сказать и о рассматриваемых в следующем параграфе гражданских войнах, где персоналии представлены только в контексте их действий [20, с. 221—229].

Наконец, в третьем, предпоследнем, параграфе, озаглавленном «Торжество абсолютной монархии во Франции», появляются более развер-

нутые характеристики. Однако приходится признать, что, например, образ Генриха IV не стал более разносторонним, чем в предыдущих изданиях. Как и ранее, Генрих, осторожный и ловкий политик, талантливый дипломат и полководец, показан через призму его деятельности. Крестьянская же политика Генриха, в свое время развернуто описанная П. П. Щеголевым, в данном издании минимизирована и охарактеризована так: «Аграрная политика Генриха IV (некоторое снижение прямых налогов, запрещение продавать за долги скот и сельскохозяйственный инвентарь крестьян) проводилась в конечном счете в интересах дворянства, так как разорение крестьянского хозяйства в предыдущий период лишало его поступления ренты» [20, с. 230, 231].

Традиционно отдельное внимание уделено кардиналу Ришелье, причем А. Д. Люблинской удалось не только показать Ришелье как государственного деятеля, но и упомянуть о его происхождении, начале карьеры, а также дать характеристику как личности. Люблинская ведет речь о «незаурядном образовании», «чрезвычайном честолюбии», соединении «твердости в преследовании поставленных целей с политической гибкостью, переходящей в беспринципность». По мнению исследовательницы, Ришелье обладал «способностью к тонким наблюдениям и широким обобщениям в области политической мысли и практическими качествами опытного государственного деятеля», он был «защитником феодальных устоев французской монархии, но ему не было чуждо чутье нового и понимание необходимости приспособлять старые учреждения к требованиям времени во имя сохранения этих учреждений» [20, с. 232]. Разумеется, свою политику Ришелье строил «на жестоком угнетении и эксплуатации народных масс», и целый подраздел как раз рассказывает о народных восстаниях 20—40-х гг. XVII в. [20, с. 233]. Несмотря на то что А. Д. Люблинская почему-то оставила в тени «Политическое завещание», созданный ею портрет Ришелье стал наиболее полным и выразительным в галерее описанных во «Всемирной истории» представителей правящей элиты Франции раннего Нового времени.

Сказанное тем более верно, что персоналии второй половины XVII — середины XVIII в., представленные в томе V, обрисованы в тексте достаточно скромно, в качестве фоновых фигур нарратива. Главы V и XXII, написанные докторами исторических наук Б. Ф. Поршневым и Ф. В. Потемкиным (1895—1973), ставили своей целью показать экономику и социальную структуру Франции, Фронду и народные восстания, а также кризис и неизбежность Великой французской революции.

Мазарини и Людовик XIV, Кольбер и Тюрго, Людовик XV, Людовик XVI и Мария-Антуанетта — любой из этих персонажей французской истории, несмотря на их неоднозначность, был представлен обширной французской библиографией. Однако это не относилось к советской исторической науке первых послевоенных десятилетий.

Мазарини, «прозорливый и энергичный государственный деятель», характеризуется только в контексте Фронды [21, с. 119, 120]. Личность Людовика XIV полностью растворилась в его правлении и мании величия [21, с. 122, 123]. Кольберу, сыну богатого купца, шаг за шагом поднимаемому по служебной лестнице и «преданному интересам абсолютистского строя», было уделено больше внимания по причине значимости его мероприятий [21, с. 123].

Франция второй половины XVIII в. показана с позиций предопределенности революции. Это был период «характеризовавшийся значительным экономическим подъемом, резким обострением классово-борьбы, развитием и распространением передовых, освободительных идей» [212, с. 540], в то время как «феодально-абсолютистские порядки стесняли развитие производительных сил» [21, с. 555].

Французская монархия характеризовалась как «насквозь прогнивший строй», начавший разрушаться еще в конце правления Людовика XIV [21, с. 539, 540]. По-другому быть и не могло, если во главе страны стояли такие монархи, как Людовик XV со своими фаворитками и известным «после нас хоть потоп», и Людовик XVI, «тупой, ленивый и безвольный человек», а «единственным мужчиной» в его семье была его жена Мария-Антуанетта, вдохновительница «реакционных мероприятий» [21, с. 553]. Неудивительно, что даже Тюрго, крупный государственный деятель и выдающийся экономист, не мог спасти ситуацию [21, с. 555].

Сейчас, когда проблематика Французской революции переосмыслена, конфликт производительных сил и производственных отношений, равно как и изначальная предопределенность революции, звучит архаически. Принципиально изменить характеристики двух последних Людовиков вряд ли возможно и сейчас, несмотря на огромное внимание к их личности, ведь, как показывает практика, при сильных правителях, имеющих четкую программу действий, революции не происходят.

Таким образом, проведенный историографический и дискурсивный анализ позволяет откорректировать ряд представлений, сложившихся вокруг трактовки персоналий французских монархов периода абсолютизма в советской историографии.

Отношение советских историков к французским монархам и их окружению раннего Нового времени было в значительной степени унаследовано от российской дореволюционной историографии. Это касалось как оценочного аспекта, так и круга рассматривавшихся лиц. В неприязни к абсолютной монархии были едины и либералы, и большевики. Другое дело, что советские историки оценивали указанных деятелей более жестко, обязательно подчеркивая эксплуататорскую и классовую сущность любой абсолютной монархии. При таком имманентно сдержанном и негативном отношении психологизации образов, равно как и биографических дополнений, не делалось. В то же время, что весьма важно, советским исследователям все же удалось избежать искажения образов и упрощения в трактовках. Даже сравнивая современные интерпретации образов французских правителей раннего Нового времени, необходимо признать, что кардинальных, принципиальных изменений в оценках не произошло. Несмотря на появление большого количества публикаций, содержащих анализ внутреннего мира, повседневной и личной жизни рассматриваемого круга лиц, неоспоримым осталось, например, величие Ришелье, в то время как ставшие известными ныне подробности частной жизни Людовика XVI не сделали его энергичным интеллектуалом.

Внимание к представителям правящей элиты стало проявляться после отказа от установок построенной на жестких социологических схемах «школы Покровского», в рамках которой личностный аспект практически игнорировался. При этом, несмотря на идеологическую заданность, советские историки все же находили возможность сказать то, что считали нужным, включая преподносимую информацию в требуемое идеологическое обрамление. Об этом свидетельствуют работы П. П. Щеголева, С. Д. Сказкина, А. Д. Люблинской.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ляховіч Л. У.* Ад класавага падыходу да псіхасторыі: асобы манархаў дынастыі Раманавых у савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі // Беларус. гіст. часоп. 2013. № 9. С. 34–45.
2. *Чубарьян А. О.* Опыт мировой истории и идеология обновления // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М. : Наука, 1989. Вып. I. С. 3–18.
3. *Гутнова Е. В.* Государство в структуре и эволюции феодального общества // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М. : Наука, 1989. Вып. 2. С. 247–260.
4. *Сидорцов В. Н., Шутова О. М.* Лингвистический поворот в историографии и дискурс-анализ // Методология исследований политического дискурса: актуальные пробле-

мы содержательного анализа общественно-политических текстов / Белорус. гос. ун-т.; М. О. Александрович [и др.]. М. : Изд. центр БГУ, 2008. Вып. 5 : Дискурс в современном гуманитарном знании. С. 37—48.

5. *Ухванова-Шмыгова И. Ф.* Дискурсные методики или контент-анализ? Выбор методики зависит от выбора методологии // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2007. Вып. 3. С. 140—150.

6. *Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е — начало 50-х гг. XX века. Тюмень : Мандр и К°, 2003.

7. *Преображенский В. Д.* История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма. Харьков : Пролетар, 1931.

8. *Розенталь Н. Н.* История Европы в эпоху торгового капитализма. Л. : Прибой, 1927.

9. *Щеголев П. П.* Очерки из истории Западной Европы XVI—XVII вв. : курс лекций / Ленингр. гос. ун-т. Л. : Соцэкгиз, 1938.

10. История средних веков : в 2 т. / под ред. проф. С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна. М. : Соцэкгиз, 1939. Т. 2.

11. *Люблинская А. Д.* Ришелье в исторической литературе XIX—XX вв. // Вопр. истории. 1946. № 10. С. 112—117.

12. Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета, 23 марта 1949 г. (публ.) // Одиссей: человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики / под ред. А. Я. Гуревич. М. : Наука, 2007. С. 253—341.

13. *Бирюкович В. В.* Народные восстания в Бордо и Гиени в 1635 г. // Ист. записки. 1938. Т. 2. С. 360—397.

14. *Бирюкович В. В.* Французские «финансисты» в политической борьбе 1622—1624 гг. // Ист. записки. 1938. Т. 3. С. 181—240.

15. *Бирюкович В. В.* Народные движения во Франции в 1624—1634 гг. // Тр. воен.-полит. ордена Ленина Акад. Красной Армии им. В. И. Ленина. 1940. № 4. С. 223—279.

16. *Поршнев Б. Ф.* Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 году // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 164—185.

17. *Поршнев Б. Ф.* Народные восстания во Франции 20—40-х гг. XVII в. // Уч. записки Моск. обл. пед. ин-та. 1940. Т. 2. С. 3—99.

18. *Лебедева Т. Е., Якубский В. А.* Cathedra medii aevi: материалы к истории ленинградской средневековедения 1930—1950-х годов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2008.

19. *Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н.* Очерки истории Франции с древнейших времен до окончания Первой мировой войны. Л. : Учпедгиз, 1957.

20. Всемирная история : в 10 т. / Акад. наук СССР ; М. И. Смирин (отв. ред.) [и др.]. М. : Соцэкгиз, 1955—1965. Т. IV. 1958.

21. Всемирная история : в 10 т. / Акад. наук СССР ; Я. Я. Зутис (отв. ред.) [и др.]. М. : Соцэкгиз, 1955—1965. Т. V. 1958.